В конце XVI века в северных пределах Святой Руси бушевала Ливонская война. На заключительном этапе которой беспримерным мужеством и героизмом прославили себя защитники Пскова и Псково-Печерского монастыря. Героическая оборона, длившаяся больше года (с 18 августа 1581 по 4 февраля 1582 гг.), закончилась фактическим разгромом форпоста католической экспансии на Восток – Ливонского ордена.

Посвящается памяти
Станислава Александровича Золотцева.

1. Встретились мы под вечер
В пятницу, в день Петров.
Время скосило плечи,
Словно вязанка дров.

Тусклые прячут очи
Ласковый добрый взор.
– Бог тебе в помощь, отче,
Долго ли до Печор?

– Ночь подступает, сыне.
Надо передохнуть.
Переночуешь ныне,
А на рассвете – в путь.

Выйдя холмистым склоном
К дому на берегу,

Крестимся на иконы
В красном святом углу.

Вечерим, чем богаты,
Пьем деревенский чай
(вкус чабреца и мяты).
– Сыне, не осерчай.
Видно, что ты нездешний.
Видно, издалека.
Как нам спастися грешним?
Душу очистить как?

Продали в одночасье
Память Святой Руси.
Пропили наше счастье,
Господи, упаси!

Завистью, пьянкой, блудом
Гадим на белый свет.
Милости ждем, как чуда,
А покаянья нет.

Как еще зреет в долах
Хлеб от таких затей?
Как бережет Никола
Грешных своих детей?

Перекрестился чинно,
С носа слезу смахнул.
– В наших краях старинных
Тайну хранят одну:

Жив наш Угодник чудный,
Ходит по землям сим.
И помогает люду
Множество лет и зим.

Сколько лаптей в дороге
Полностью износил.
Шел, не жалея ночи.
К тем, кто его просил.

Только беда какая –
Мигом туда спешит.
Каждого приласкает,
Каждого ободрит.

Милует и накажет.
Каждому – по делам.

В сроки и в землю ляжет,
Чтоб во спасенье нам.

– Дедушка, это сказки.
Мало ли говорят.
В городе итальянском
Мощи его лежат.
Дед усмехнулся:
– Парень,
Верь, старики не врут.
Может быть, мощи в Бари,
Только он с нами, тут.

Правило нашей веры:
Здесь он лежит, святой.
Милость свою без меры
Дарит земле родной.

Тьма опустилась молча,
В печке огонь погас.
Но до глубокой ночи
Длился чудной рассказ.

2. Во времена, когда Святой Корнилий
Игуменом в Печорах древних стал,
Лихие для России годы были:
Предательство, набеги и кинжал.

Косила смерть людей, не зная жалость.
Рассвет играл побудку в стременах.
Ох, горюшко, еще чуть-чуть, казалось,
И кончатся земные времена.

Монахов было здесь тогда немного,
Едва в лампадке теплился фитиль,
Но день за днем, молясь усердно Богу,
Корнилий строил Божий монастырь.

Поставил храм в честь Госпожи небесной –
Благую весть монахам даровал.
А чтоб Литве в набегах было тесно,
Воздвиг из камня неприступный вал.

Расширил монастырские пещеры,
Николе чудо-храм соорудил.
Защитнику святому чистой веры
Оберегать обитель поручил.

И вот уже иные дни настали.
И вот уже монахов больше ста.
От монастырских стен не раз бежали
Враги, бойцов оплакивать устав.

И расцвела земля тогда родная.
Ликуй же, Русь! В любви рассвет встречай!
Когда с тобой Царица Неземная,
Когда хранит Святитель Николай.

3. Отчего гудят пожаром звонницы?
Это не Литва пришла, как встарь,
Церкви Новгородские и вольницы
Разоряет Грозный государь.

Шесть недель в росе кровавой лик его,
Но утихнуть дьявол не готов,
И продолжить пир поста Великого
Государь отправился во Псков.

Во субботу был он на Любатове,
У Николы спал в монастыре.
Вдруг прервали пиршество набатное
Благовеста звуки на заре.

Вдаль неслась мелодия певучая,
На молитву стар и млад звала.
Словно сам Николушка-заступничек
Разом зазвонил в колокола.

Умилилось сердце Иоанново,
Благодать коснулася души.
Жизнь свою он вдруг увидел заново.
И заплакал, вспомнив, как грешил.

Как опутал церкви Божьи пламенем,
Как невинных посылал казнить...
И тогда велел мечи о камени
Воеводам ратным иступить.

До утра в слезах топил он долюшку.
А с утра во Псков вошел пешком.
Где к нему юродивый Николушка
Подступил на палочке верхом.

Босоногий, с голыми коленами.
Что с такого? Не продать, не взять.
Говорит царю речами смелыми:
– Не ходи в овчарню, словно тать.

Вот тебе, Ивашка, мясо свежее.
Погляди-тко, я тебе принес
Вкусное, сырое, дюже нежное.
– Я христианин, не нарушу пост.

– Ой ли, так, а как же человечина?
Как же кровь безвинная и плоть?
На челе твоем сие отмечено.
Так вели Николку заколоть.

Позабыл не только пост, но Бога ты,
Время продолжать кровавый пир.
Если хочешь, съешь глупца убогого
И верни на Русь покой и мир.

На колени рухнул царь в отчаянье.
Скинул шапку, к церкви обратясь,
И молитву слезную, печальную
Стал творить, неистово крестясь.

Не цветет в пожарах лютых Родина.
Царь в слезах покинул псковский край.
Город спас Николушка юродивый
И заступник вечный Николай.

4. «Царю Иоанну Грозному внушили, что Святой Корнилий построил каменную ограду вокруг монастыря для того, чтобы быть независимым от Москвы. Подозрительный царь поверил клевете, и святого, по приказу царя раздавили особого рода тяжелым орудием. Мощи Корнилия почивают в монастырской Успенской церкви». (Из жития).

5. Беды и знамения пронеслись по свету,
В страхе ожидания русская земля.
Вдруг явилась на небе яркая комета.
Не спастись, не спрятаться за стену Кремля.

Инвалид на паперти пот кровавый вытер.
По столице ползают слухи, хоть кричи.
Голос ужасающий: «Русские, бегите!» –
Слышали отчетливо ночью москвичи.

А на день рождественский, вдруг при солнце ясном,
Страхи и сомнения по Руси соря,
Молния ударила, громыхнув ужасно,
И зажглася спаленка русского царя.

Что ж ты, горе-горькое, стала у порога?
Видно, кара Божия – тать пришел с ножом.

Ведь с грехом сроднилися и живем нестрого.
И грехи-сокровище наше бережом.

И свершилось, сталося – тьма затмила солнце.
Воинство бесчетное подошло к Руси:
Венгры, шведы, пОляки, немцы и литовцы
С королем Баторим. Господи, спаси!

В Полоцке хозяйничать стали изуверы,
Стали католичество силой насаждать.
Чтобы русских отроков от отцовской веры
На века на вечные силой оторвать.

А король усердствует, словно Богу ровня,
Езуитов-нехристей ставит во главе.
И взрослели отроки, Родину не помня,
Хоть по крови русские, с папой в голове.

Но не стать покорному, плети не изведав,
Не хвалися рыбою, не достав улов.
Наконец, уверовав в легкую победу,
Осадили вороги древний город Псков.

Будьте зорки, сторожи, землю не проспите.
Русь видала многое на своем веку.
Но коль Псков не выдержит, коль падет обитель,
Путь врагам откроется прямо на Москву.

Помоги же, батюшка, наш Святой Корнилий,
Умоли Владычицу город сохранить.
Нам без веры истинной нет спасенья в мире,
Без корней отеческих мы не сможем жить.

Нам за долю русскую умирать отрадно.
Станем с Божьей помощью князь или босой.
Бдите, Православные... А на стены града
Слезы Богородицы выпали росой.

Пресвятая Богородица, спаси нас!

6. Жил во Пскове Дорофей – кузнец старательный,
Мастерством своим известен был окрест.
Как-то раз, еще до штурма неприятеля,
Видит вечером он в небе яркий крест.

И разверзлись небеса путями тайными,
И увидел Дорофей, как в тонком сне:
Божья Матерь шла по облаку печальная,
И великие Святые были с ней.

И Николушка – покойничек юродивый,
На коленях припадал к святым стопам.
Умолял спасти от поруганья Родину,
Псков просил Ее не отдавать врагам.

Плакал он, и слезы не были напрасными,
Звоном вдаль его моление плыло.
И улыбка лучезарная, прекрасная
Озарила вдруг Пресветлое чело.

И исчезло лучезарное видение.
До утра стоял кузнец один в слезах.
Той же ночью было страшное смятенье
В неприятельских бесчисленных рядах.

Много видели баториевы ратники,
Но ночная их картина потрясла:
В небесах, как по земле, летели всадники –
В золотых шеломах войско – несть числа.

На кольчугах развевались рясы черные,
Меч и крест сжимали твердые персты.
В тот же час над осажденными Печорами
Расцветали в небе чудные кресты.

А на следующий день, с рассветом ласковым,
В Праздник Матери Господней рождества,
Затрубили боевые трубы датские.
Развернули флаги Польша и Литва.

И пошли, смеясь, на штурм в тяжелых панцирях
Немцы-рыцари – турниров короли,
И коней, кружащих нетерпенья танцами,
Удержать от пляски венгры не могли.

В поле зреет в каплях поздних кровь – смородина.
Нынче ждет ворон богатый урожай.
Боже наш, спаси, помилуй землю – Родину!
Не проси пощады, парень, не зевай.

7. Горько плачет мать над павшим отроком:
«Ты зачем молчишь, родимый мой?
Отчего укрыто солнце облаком?
Отчего земля укрыта тьмой?

Отчего озера синеокие
Не глядят в Божественную высь?

Коршуны голодные, жестокие
Отчего на небо поднялись?

Что же ты, соколик мой единственный,
Крылья для полета не раскрыл?
Ветер не пригонит лодки к пристани,
Паруса повыбились из сил.

Я ль тебя, соколика желанного,
Не кормила бережно из рук?
Не лила слезу над детской раною,
Взяв себе твоих частицу мук?

Не купала перья ранней зорькою?
Не тебя ль твоя любила мать?
А в ответ брала обиду горькую,
Все простив, что и нельзя прощать.

Так прости и ты меня, соколичек
Мой, что не сумела уберечь,
Что пресветлый день стал темной полночью,
Что крыла срубил немецкий меч.

И прости меня и Ты, Пречистая,
Что рыданья рвутся из груди.
Мой соколик за Отчизну выстоял
И родной земле не навредил.

Ты взгляни, Святая Богородица,
Как лежит он, крылья разбросав,
Он, как в землях святорусских водится,
Пал за правду, Бога не предав.

Ты поймешь, Невеста неневестная,
Ты сама познала эту боль,
Плакала над сыном, смертью крестною
Разрушившим смертную юдоль.

Так прости мою печаль сердечную.
Надломился у березки ствол.
Сок течет, омоет душу грешную.
Землю Ты омоешь Рождеством».

Плачет мать, а где-то рядом, около,
С ней скорбит Царица в облаках,
И ерошит ветер кудри отрока
На Пречистых царственных руках.

8. Заря здесь уже не рождается.
Луч солнца? – когда это было.
Волна за волной надвигается
На город несметная сила.

Мечами двуручными крепкими
Дорогу себе прорубает.
Червоно-кровавой отметкою
К победе свой путь примечает.

Ломаются панцири в крошево
От пляски камней беспощадных.
Меч сломан? Меняйте на нож его.
Щит цел? Ну и чем не награда?

Луна ошалелая пялится
На дым, и на кровь, и на стоны.
Мужицкие верные палицы –
Последний рубеж обороны.

Горою из тел кротких, яростных
Закроем проломы на стенах.
До слез ли, до жалоб, до жалости?
Гудят напряженные вены.

Но держатся ратники русские
С последним отчаянным жаром,
Себя осеняя без устали
Крестом перед каждым ударом.

А дети и жены у Троицы
Соборно и слезно взывают:
«Надежда моя, Богородица,
Царица моя Преблагая...»

С крестами поют и с иконами,
И глохнет кровавая битва.
Над смертью, над гулом, над стонами
Возносится к небу молитва.

Все громче и громче разносится,
Треск копий хмельных заглушая:
«Надежда моя, Богородица,
Царица моя Преблагая!»

И дрогнули немцы и датчане
К исходу отчаянной сечи.
Звезда закатилась удачная,
Зажглись поминальные свечи.

Русь выстоит непокоренная.
Воспряли пожухлые травы.
Христа воспевают спасенные,
Поют Богородице славу.

9. И Печоры тоже держат оборону
В непомерные и злые холода.
Дух молитвы заглушает смерть и стоны,
Топоры горят от крови и стыда.

У Николы жаркий бой, и русским тесно.
Бьются в рясах и кафтанах налегке.
А над ними покровитель их небесный –
Храм в одной руке, а меч в другой руке.

Мертвых в чистое сегодня не оденут.
Нужно нынче расстараться за троих –
Заливать водой разрушенные стены,
Превращая в ледяные глыбы их.

Послушания на время отложите,
Битвы гром смешав со звоном пополам.
Так и держится Печорская обитель,
В полдень, в полночь ли звонит в колокола.

И неделю за неделей взять не может
Фаренсбек – отважный ратник-богатырь,
Этот с крепостью надежной ныне схожий
Богородицей хранимый монастырь.

И в сражениях испытанные немцы,
И поляки, закаленные в боях,
И без сговора другие чужеземцы
Клялись жизнью и святыми в небесах.

Будто видели явившегося с громом,
Неожиданно и вдруг с мечом в руках,
На стенном обезображенном проломе
Вельми грозного седого старика.

И от взгляда от его мутился разум,
Жгло насквозь сиянье строгое очей.
Стыла кровь. И захлебнулся приступ разом.
Стихла битва, замер звонкий пляс мечей.

А потом, спустя года, в кругу знакомых,
Эти ратники, собравшись у стола,

Уверяли, что старик точь-в-точь с иконы,
Что над церковью надвратною была.

10. После праздника Богоявления Стефан Баторий запросил перемирия.

По обезлюдившим заснеженным дорогам остатки его войск отступили на запад.

11. Такие вот, отроче, были,
Прошли у Великой реки.
А вот что еще говорили
Когда-то давно старики.

Однажды, откуда-то с юга,
В какой, нам не ведомо, год,
Антихрист, как черная вьюга,
По землям по русским пройдет.

Он людям поставит насильно
На лоб и на руку печать.
И будет несметную силу
Для ратей своих собирать.

И в страхе пред лютою казнью
Покорные страны падут.
И титулом вечного князя
Народы его нарекут.

Но Севера русские люди
Не дрогнут, не примут печать,
И князь сей безжалостно будет
Казнить, покорять, усмирять.

Но грянет небесное вече
В раскатный набат громовой.
И войско святое навстречу
Антихристу выйдет на бой.

Там будет Угодник-Никола,
Пророк не умерший Илья,
Все те, кто стоит у Престола
У Господа-неба Царя.

Громить нечестивцев неверных
Поднимутся богатыри.
Князь Невский за землю и веру
Опять на коне воспарит.

И сеча завертится грозно
В Печорах, на Псковщине, тут.
И солнце померкнет, и звезды
На черную землю падут.

Погибнет заступник наш Невский,
Погибнут Святые его...
(Заплакал тут отче по-детски
И крест наложил на чело).

Илья – громовержец не сможет
Нечистого в битве посечь,
И славную голову сложит
Под кровью упившийся меч.

Никола – угодничек тоже
К убитым добавится в ряд.
Прости меня, Господи Боже!
Но так старики говорят.

И вот торжествует лукавый
И знамя победы вознес,
Но явится молнией в славе
Сам Вечный Спаситель Христос.

Судья всех народов и судей,
Он грозен, он непобедим.
Тут гибель антихристу будет.
И слава во веки святым!..

Растаяла ночь незаметно,
Туманным укрылась дымком,
И в зябком сиянье рассвета
Простились мы со стариком.

Запомню его разговоры
Чудные при свете луны.
Пора! Путь лежит на Печоры –
Дух русской святой старины.

---

* *Использованы материалы из русских летописей и книги Леонида Зурова «Отчина».*